

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Роман-эпопея «Война и мир» Особенности жанра. Композиция

«Война и мир» — уникальное жанровое явление (в произведении более 600 героев, из них 200 исторических лиц, бесчисленное количество бытовых сцен, 20 сражений).. Толстой прекрасно понимал, что его произведение не укладывается ни в один из жанровых канонов. В статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» (1868) Толстой писал: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника». Тут же добавлял: «Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести». Толстой прав в том отношении, что русская литература смело экспериментировала с жанровой формой: «Евгений Онегин» — не роман, а роман в стихах («дьявольская разница!» — замечал Пушкин), «Герой нашего времени» Лермонтова — роман в новеллах, «Мертвым душам» Гоголь дал подзаголовок «поэма», Тургенев считал свои романы повестями, «Записки из Мертвого дома» Достоевского — имитация записок-воспоминаний и т. д. Жанровые новации Толстого органично включаются в традицию, а не противоречат ей.

За «Войной и миром» закрепилось жанровое определение *роман-эпопея*, которое отражает сочетание в произведении признаков романа и эпопеи. Романное начало связано с изображением семейной жизни и частных судеб героев, их духовных исканий. Но, по убеждению Толстого, индивидуальное самоутверждение человека для него губительно. Только в единении с другими, во взаимодействии с «жизнью общей» может развиваться и совершенствоваться. Главные признаки эпопеи: большой объем произведения, создающий картину жизни нации в исторически переломный для нее момент (1812 год), а также его проблемно-тематическая энциклопедичность, всеохватность. Но если суть древнего эпоса, гомеровской «Илиады», например, — главенство общего над индивидуальным, то в толстовской эпопее «жизнь общая» не подавляет индивидуального начала, а находится в органичном взаимодействии с ним.

Моделью-аналогом жанра и художественного мира романа-эпопеи в целом не случайно называют водяной шар-глобус, который видит во сне Пьер Безухов: «Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею». Образ водяного шара — это образ динамичного единства, образ «сопряжения» (слово-открытие Пьера) единичного и универсально-всеобщего, постоянного движения (изменчивости, борения) и гармонии округлости (круг, шар-глобус, мир). Стремление к округлости, завершенности и замкнутости внутри себя — характерный признак древней эпопеи. В отличие от нее, толстовская эпопея невозможна без напряженного духовного движения индивидуальной человеческой личности, которая являет собой «каплю», отражающую океан, или мельчайшую, но значимую частицу шара-глобуса, представляющего мир. «Круглость» в «Войне и мире» — это гармония единения, гармония согласия разнородных и часто противоположных устремлений, воли, намерений, без которого нет единства мира. А Пьер Безухов — первый толстовский герой, воплотивший во всей полноте то представление о Человеке, которое было сформулировано Толстым лишь в последние годы жизни, но которое формировалось у него, начиная с первых литературных опытов: «Человек — это Все» и «часть Всего»:

«Я сознаю себя Всем, отделенным от Всего». В письме к Черткову 19 ноября 1909 года Толстой написал: «Сознание есть не что иное, как чувствование себя в одно и то же время и всем, и отдельной частью Всего. Не чувствуй себя человек всем, он не мог бы понимать, что такое отдельная часть всего, то самое, чем он себя чувствует. Не чувствуй же он себя отдельной частью, он не мог бы понимать, что есть Все. Двойное чувствование это дает человеку знание о существовании Всего и о существовании своего отдельного существа и проявляется в жизни любовью, то есть желанием блага тому, чем человек себя чувствует: желанием благ Всему и желанием блага своему отдельному существу».

Те же образы повторяются в сне Пети Ростова, когда тот, засыпая, слышит «стройный хор музыки»: «Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы — но лучше и чище, чем скрипки и трубы, — каждый инструмент играл свое и, не доиграв еще мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвертым, и все они сливались в одно и опять разбегались, и опять сливались то в торжественно церковное, то в ярко блестящее и победное». И еще: «С торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, и вжиг, жиг, жиг... свистела сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя в него».

В. Камянов:

«Один в зрительном, другой в музыкальном образе; один четко, другой отдаленно восприняли важнейшее для Л.Н. Толстого представление — “живой, колеблющийся шар” — и двойной ритм движущихся капель: слияние — разделение. Фуга — согласие инструментов в Петинном сне, шар — согласие капель в ночном видении Пьера. Круг, шар, сфера составляют у Л.Н. Толстого как бы геометрию согласия».

Эту гармонию («геометрию согласия») несет в себе и собой «круглый» Платон Каратаев, как бы равновеликий «круглому», сферическому миру-шару и способный восстановить мир (согласие, гармонию) в душе другого человека — того же Пьера, в душе которого после казни «поджигателей» «все завалилось в кучу бессмысленного сора». Как идеальная капля, самодостаточная и сжатая другими каплями, — Платон Каратаев бесследно исчезает из людского моря, составляющего поверхность шара-глобуса.

В отличие от древнего эпоса, толстовский роман-эпопея изображает не только духовное движение героев, но и вовлеченность их в непрерывный и бесконечный поток жизни. В «Войне и мире» нет завязок и развязок действия в привычном смысле. Открывающая роман сцена в салоне Анны Шерер, строго говоря, ничего не «завязывает» в действии, но зато сразу вводит героев и читателей в движение истории — от Великой Французской революции до «сиюминутности». Вся эстетика книги подчинена одному закону: «Истинная жизнь всегда только в настоящем». Настоящее — единственное художественное время «Войны и мира». Но настоящее — это не сумма дискретных моментов, а поток, в котором один момент в другой не перескакивает, а перетекает. В «Войне и мире» между сценами часто появляются эстетически неоднородные фрагменты: панорамные описания, пространные авторские рассуждения, и стык двух сцен совсем не резок и очевиден. Новая сцена накатывается вместе с потоком жизни, вместе с неспешной, плавной, ничем себя не ограничивающей фразой. Читатель вместе с тем героем, которого автор в этот момент представил его вниманию, проживает во всей полноте настоящее, часто неощутимо перемещаясь туда, куда его несет неостановимое движение жизни. Если в начале действия романа Наташа едва перешагнула рубеж отрочества, Николай — юности, то в эпилоге уже четырнадцатилетний сын Андрея Болконского с замиранием сердца слушает разговор Пьера с Николаем, мечтая быть рядом с Безуховым. Другими словами, жизнь и история предстают в «Войне и мире» как нескончаемый поток, длящееся настоящее, в котором движутся события и судьбы людей.

По этой причине если в романе и можно выделить военно-исторический, частносемейный и авторско-философский пласты, то в высшей степени условно. На самом деле они тесно переплетаются между собой в единое целое, ибо авторско-философский пласт

лишь формулирует те идеи, которые художественно воплощены в двух других пластах, а эти два пласта неотделимы друг от друга в силу закона времени, выведенного Толстым:

«Что такое время? Нам говорят, мера движенья. Но что же движенье? Какое есть одно несомненное движенье? Такое есть одно, только одно: движенье нашей души и всего мира к совершенству».

Таким образом, Толстой считает равновеликими изменения (движения) «души» (частного, индивидуального) и «мира» (всеобщего, универсального), а сутью их движения — совершенствование.